

Екатерина Погорельская

Точка падения

Погорельская Екатерина

Точка падения

«Автор»

2025

Екатерина П.

Точка падения / П. Екатерина — «Автор», 2025

Раннее утро. Стройплощадка только просыпается, рабочие собираются, чтобы начать новый день. Но обычная рутина рушится в одно мгновение: среди бетонных плит и металлических балок находят тело владельца проекта. Сначала кажется, что это несчастный случай. Однако следователи Дмитрий и его наставник Денис Романович сразу чувствуют: за фасадом рутины скрывается нечто гораздо более тёмное. В расследовании постепенно раскрываются слои лжи, семейных тайн, деловых махинаций и скрытых связей. Каждый свидетель — от рабочего до члена семьи погибшего — хранит свою версию правды, но никто не хочет говорить всю. По мере того как следователи продвигаются вперёд, становится ясно: смерть Ковалёва — не конец, а лишь начало разматывания запутанного клубка, в котором переплетены предательство, страх и тяжёлое наследие прошлого.

© Екатерина П., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Дело начинается.	5
Глава 2. Дорога к истине.	13
Глава 3. Женщина, которая ждала.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Погорельская Екатерина

Точка падения

Глава 1. Дело начинается.

Раннее утро только начинало просыпаться вместе с городом. Солнце робко выглянуло из-за домов и залило золотистым светом стройку. Железные балки и серые бетонные плиты засияли в этом свете, словно на мгновение перестали быть холодными. В воздухе стоял запах сырости и пыли, смешанный с ароматом свежесваренного кофе – его приносили в термосах рабочие.

Сначала показался первый человек – плотник Гена, сутулый, с неизменной кепкой на голове. Он зевнул так, что чуть не уронил вязанку инструментов.

– Опять как будто и не спал, – пробормотал он себе под нос, оглядывая стройку. – А ведь сегодня работы неопровержим...

Следом подошёл молодой паренёк в яркой жилетке, новенький в бригаде. Он остановился, вскинул голову к огромному крану и чуть растерянно усмехнулся.

– Ничего себе... а я думал, на картинках оно больше, – сказал он, и Гена, проходя мимо, хмыкнул.

– Подожди, к вечеру оно тебе таким здоровенным покажется, что будешь проклинять.

Рабочие собирались один за другим. Кто-то шутил, кто-то ворчал, кто-то молча потягивал из кружки чай. Шум становился всё громче: загремели металлические листы, щёлкнули замки на касках, кто-то включил музыку с телефона – весёлую, бодрящую, чтобы прогнать сон.

Бригадир Степаныч, мужчина лет пятидесяти с суровым лицом, обошёл стройку, проверяя, всё ли на местах. Его взгляд был строг, но заботлив.

– Ну что, мужики, поехали. Сегодня нам надо залить фундамент вот этого блока. Работы море, так что не расслаживаемся.

– Степаныч, а завтрак когда? – в шутку выкрикнул кто-то из бригады.

– Завтрак у тебя дома был, – буркнул бригадир, но уголки губ его дрогнули в улыбке.

Над стройкой повисло гулкое эхо голосов, металлический звон и первые удары молотков. Солнце поднималось всё выше, и казалось, что город вокруг ещё только дремлет, а здесь, на строительной площадке, жизнь уже кипит вовсю.

– Зовут-то тебя как? – спросил бригадир, идя рядом с новеньким. Они как раз свернули за угол бетонной стены, где тени ещё прятались от утреннего солнца.

– Фёдор, – коротко ответил парень, поправляя каску.

– Ну что, Федька... – Степаныч кивнул, слегка усмехнувшись. – Ты главное работай, не ленись, и всё будет легко. А там, глядишь, и втяниш.....

Он резко оборвал фразу. Перед ними, прямо на сырой земле, раскинув руки и неестественно вывернув шею, лежал человек. Сначала показалось, что это просто пьяный бродяга забрёл на стройку. Но кровь... густая, тёмная, уже начавшая впитываться в бетонную пыль, тут же привлекла взгляд.

Фёдор побледнел.

– Господи... – выдохнул он и машинально сделал шаг назад, едва не уронив каску. – Это что... он мёртвый?

Степаныч замер, сжав челюсти так, что закрипели зубы. Он узнал его сразу – дорогой костюм, часы на запястье, лицо, которое не раз появлялось на стройке, отдавая распоряжения. Это был Сергей Ковалёв, владелец комплекса. Их заказчик.

– Чёрт возьми... – глухо сказал бригадир, и голос его прозвучал так, что все шутки и улыбки с лица исчезли окончательно. – Это ж сам хозяин...

Фёдор не знал, куда девать руки, он растерянно смотрел то на бригадира, то на неподвижное тело.

– Может, это... несчастный случай? – спросил он дрожащим голосом.

Степаныч присел рядом, но касаться не решился. Лицо Ковалева было бледным, с мертвенной синевой, а кровь на груди ясно говорила, что никакой это не «случай».

– Нет, парень... это не похоже на аварию, – выдавил он, вставая. – Тут... дело серьёзное. Из-за угла начали подтягиваться остальные рабочие. Кто-то воскликнул:

– Степаныч, что там у вас?

– Отойдите! – рявкнул бригадир, и голос его был непривычно жёстким. – Никому сюда не подходить!

Но было поздно – уже несколько человек увидели тело. В толпе послышался испуганный шёпот:

– Да это же сам Ковалёв...

– Господи, кто ж его так?..

– Нам теперь что делать?

Фёдор стоял бледный как мел. Его первая смена на стройке обернулась кошмаром. Он сжал кулаки, пытаясь не дрожать, и только думал:

Зачем я вообще сюда пришёл?

Степаныч тяжело вздохнул, достал из кармана телефон и, нахмурившись, пробормотал:

– Придётся звонить в полицию... И, чуёт моё сердце, просто так это не закончится.

Дмитрий сидел за своим столом, обложенный папками и серыми протоколами. За окном ещё дрожало утреннее солнце, пробиваясь сквозь жалюзи, и от этого полосы света резали глаза. В кабинете стояла привычная тишина: скрип ручки по бумаге да слабое жужжание кондиционера.

Телефон на столе вдруг резко зазвонил, заставив Дмитрия вздрогнуть. Он машинально потянулся к трубке, глянул на дисплей и увидел знакомое имя.

– Слушаю, – отозвался он.

Голос старшего следователя, Дениса Романовича, был сухим и без предисловий:

– Дима, собирайся. У нас труп.

Дмитрий выпрямился в кресле, напряжение мгновенно отразилось на лице.

– Где? – спросил он коротко, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– На стройке, – отозвался старший. – Пока говорят, несчастный случай. Упал, может, или чем-то придавило. Но что-то мне не нравится. Надо проверить самим.

Дмитрий нахмурился, закрывая лежащую перед ним папку. Мысли о рутине мигом исчезли.

– Несчастный случай, говорите... – пробормотал он себе под нос, будто размышляя. – Что-то мне подсказывает, не всё так просто.

В трубке послышался тяжёлый смешок.

– Ты уже начинаешь думать, как настоящий следак, – сказал Денис Романович. – Но давай без догадок. Сначала посмотрим. Я заеду за тобой через десять минут. Будь готов.

– Принято, – ответил Дмитрий, положив трубку.

Он остался на мгновение сидеть в тишине, слушая собственное сердце, которое стучало быстрее, чем несколько минут назад. Стройка... Несчастный случай... Но почему у Романовича в голосе прозвучало это «надо проверить самим»?

Дмитрий быстро натянул куртку, захватил со стола блокнот и ручку. В зеркале, мимоходом, он увидел своё лицо – молодое, но с лёгкими следами усталости под глазами. Он тихо усмехнулся.

– Первый рабочий день у кого-то на стройке, а у меня – снова труп, – сказал он самому себе.

В коридоре гулко щёлкали шаги. Впереди предстояло расследование, и внутри всё уже настраивалось на привычный лад – внимание, холодный ум и никаких лишних эмоций.

Дима вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. Коридор отдела встретил его запахом кофе и старых бумаг, гулом шагов и приглушёнными разговорами коллег. Кто-то в соседнем кабинете смеялся, кто-то спорил, но всё это казалось далёким и ненастоящим.

Он шёл быстрым шагом, папка с бумагами под мышкой, куртка накинута небрежно. Внутри постепенно нарастало знакомое чувство – смесь напряжения и сосредоточенности. Каждое новое дело было словно вызов, и в этот раз предчувствие подсказывало: дело не окажется простым.

На выходе из здания он на секунду задержался. Утренний воздух был прохладным, с лёгким запахом мокрого асфальта. Солнце уже поднималось, но город всё ещё выглядел сонным. Дмитрий глубоко вдохнул и шагнул к крыльцу, где у обочины уже стояла машина.

За рулём сидел Денис Романович. Он опустил окно, и сразу показался клуб сигаретного дыма. Старший следователь кивнул ему с привычной серьёзностью:

– Ну что, Димка, поехали?

Дмитрий усмехнулся уголком губ и кивнул:

– Поехали.

Он сел в автомобиль, и та с лёгким рывком тронулась с места, унося их навстречу новому расследованию.

Машина плавно свернула к стройке. Сквозь ветровое стекло открывался вид на серые бетонные стены, металлические балки и высокие башенные краны, нависшие над площадкой, будто стражи. Воздух здесь был тяжелее, чем в городе: пахло влажным цементом, железом и пылью.

У ворот уже столпились рабочие. Они сбились в кучку, кто-то курил, кто-то переговаривался шёпотом. В их глазах смешались тревога и любопытство. Никто не спешил расходиться – все ждали, что скажут следователи.

Машина остановилась. Первым вышел Денис Романович – высокий, широкоплечий, с тяжёлым взглядом, к которому рабочие моментально отнеслись с уважением. За ним выбрался Дмитрий. Он оглядел стройку и невольно отметил про себя:

«Место как место... но что-то здесь уже давит».

– Ну, где тут у вас «несчастный случай»? – хриловато спросил Романович, глядя на бригадира.

Степаных, мрачный и растерянный, подошёл ближе, снял каску и протёр лоб ладонью.

– Тут, товарищи следователи... за углом, – сказал он и понизил голос. – Но я сразу скажу: это не похоже на случайность.

– Посмотрим, – коротко бросил Денис и махнул рукой, чтобы их провели.

Они двинулись вперёд. Рабочие расступались, провожая взглядами – кто с надеждой, кто с опаской. Фёдор, новенький, стоял в стороне, переминаясь с ноги на ногу. Он пытался выглядеть спокойным, но руки у него дрожали, и это сразу бросалось в глаза Дмитрию.

– Ты что, парень, первый раз мёртвого видишь? – неожиданно обратился к нему Романович, не оборачиваясь.

Фёдор едва слышно пробормотал:

– Да... первый.

– Привыкай, – сухо ответил старший следователь. – Жизнь такая.

Дмитрий бросил на Фёдора быстрый взгляд и подумал: А он явно что-то знает. Надо будет позже расспросить.

Когда они свернули за угол, запах крови ударил в нос сразу. Тело Ковалева лежало всё так же – в дорогом костюме, с лицом, искажённым смертной мукой. Пятно под ним стало ещё темнее и шире.

Денис Романович присел, внимательно оглядываясь, а затем хмуро произнёс:

– Несчастный случай? – Он вскинул глаза на бригадира. – Да тут за версту убийством пахнет.

Дмитрий стоял рядом, наблюдая за каждой деталью: следы ботинок на пыли, странный блеск на рукаве пиджака, взгляд рабочих, которые старались не смотреть на труп. Внутри у него уже складывалась картина – неясная, но тревожная.

Он тихо сказал, почти самому себе:

– Начинается...

Бригадир снял каску, переминаясь с ноги на ногу, и жестом позвал:

– Идите за мной... там, за блоками.

Он шёл впереди, широкий, грузный, но в этот момент походка у него была тяжёлая, будто он нёс на плечах не только тело, а весь груз случившегося.

Дмитрий и Денис Романович двинулись следом. Стройка встретила их гулкой тишиной: даже рабочие, обычно шумные и разговорчивые, словно боялись говорить в полный голос. Где-то вдалеке хлопнула металлическая дверь, загудел кран, и звук прозвучал особенно резко на фоне напряжённого молчания.

Денис бросил взгляд на бригадира:

– Ты первый нашёл?

– Не я... – Степаныч сжал каску в руках, пальцы побелели. – Новенький парень. Федька. Он вместе со мной за угол зашёл... да и наткнулись.

– Угу, – хмыкнул Романович. – Парень-то хоть в себя пришёл?

– Стоит вон там, трясётся, – кивнул бригадир назад. – Но он чист, точно говорю.

Дмитрий молча слушал. Он шагал рядом, взгляд его то и дело скользил по земле: следы обуви в пыли, оброненный окурок, тёмные пятна цементной влаги.

«Надо всё запомнить. Здесь любая мелочь может оказаться важной».

Наконец они свернули за угол бетонной стены.

Запах крови ударил резко, металлический и густой. На серой земле, среди пыли и мелкого щебня, лежало тело Сергея Ковалева. Его дорогой костюм был испачкан грязью, белая рубашка пропиталась кровью, которая расплылась тёмным пятном по груди. Руки раскинуты в стороны, глаза открыты и смотрят в никуда, будто человек до последнего не понял, что произошло.

Денис Романович остановился первым. Он присвистнул сквозь зубы, но лицо его осталось каменным.

– Ну и «несчастный случай»... – произнёс он хриловато. – Крепко же у вас тут работает судьба.

Степаныч перекрестился, глядя на бывшего хозяина стройки.

– Мы ничего не трогали, клянусь. Только заглянули – и сразу вас вызвали.

Дмитрий сделал пару шагов вперёд и присел на корточки рядом с телом. Его глаза внимательно бегали по деталям: часы на руке – дорогие, но не снятые; ботинки – начищенные, но на левом носке свежая царапина; вокруг пятна крови – отпечатки подошв. Несколько. И не все они совпадали по размеру.

Он прищурился.

– Здесь явно кто-то ещё был... – тихо сказал Дмитрий, не отрывая взгляда от земли.

– Вижу, – кивнул Романович. Он обернулся к бригадиру:

– Никто посторонний сюда пройти не мог?

– Да мы сами в шоке... – бригадир замаялся. – Охрана была, но... может, ночью кто-то пролез.

Дмитрий поднялся, глянул на старшего и тихо произнёс:

– Похоже, у нас убийство.

Романович хмыкнул, закуривая сигарету прямо на месте:

– Я это понял как только зашёл сюда.

В стороне, у бетонной стены, рабочие стояли, стараясь не подходить ближе, но их глаза были прикованы к следователям. В толпе снова кто-то шепнул:

– Господи, да что ж теперь будет...

– Пойдём поднимемся наверх, посмотрим, – первым нарушил тишину Денис Романович, глядя на тело, а затем на бетонные громады, что возвышались над ними.

Бригадир кивнул, мрачно потеряв шею.

– Вы знаете, откуда он упал?

– Ну... судя по травмам, – нерешительно сказал Степаныч, избегая смотреть на мёртвого Ковалева, – с последнего этажа.

Денис прищурился и перевёл взгляд на недостроенное здание. Серый каркас, торчащие арматурины, деревянные леса – всё это казалось хрупким и неустойчивым, хотя на самом деле здание уверенно росло ввысь. Он окинул его взглядом снизу доверху, и взгляд остановился на краю верхнего перекрытия.

– Это пятый, – сказал он, сжимая губы. – Высота приличная...

Дмитрий поднял голову следом, и в его груди неприятно кольнуло: С такого падать – живым точно не останешься. Но внутри у него уже вертелась мысль:

«Что-то не сходится. Почему хозяин стройки оказался на верхнем этаже ночью или ранним утром?»

– Планировалось десять этажей, – добавил Степаныч, будто оправдываясь, – но пока только пять подняли.

– А что за проект вообще? – спросил Дмитрий, доставая блокнот и делая пометку.

– Отель, – ответил бригадир, и в голосе его прозвучала едва заметная гордость. – Большой, красивый должен был быть... Вон даже рекламный щит стоит у дороги. «Ковалёв Плаза» называться хотел.

Денис фыркнул, глядя на тело у ног.

– Красиво начинал... а закончил – как обычный труп в пыли.

Рабочие, стоявшие в стороне, переглянулись, и кто-то нервно перекрестился. Фёдор, тот самый новенький, поёжился, будто слова следователя были слишком жёсткими.

– Ладно, – Денис откинул окурок и раздавил его каблуком. – Поднимемся на пятый. Надо понять, откуда именно он «сорвался».

Дмитрий кивнул и, убирая блокнот в карман, отметил про себя:

«Если он упал случайно, то зачем ему было туда лезть? Если нет – кто его туда затащил?»

И эта мысль не отпускала его, пока они направлялись к лестнице, ведущей на верх стройки.

Они подошли к недостроенному зданию. Высокие бетонные плиты, ещё сырые на вид, тянулись вверх, и в их трещинах осела пыль. Вход напоминал тёмный зев пещеры: ни дверей, ни стёкол, только грубые стены и холодный сквозняк, который сразу ударил в лицо.

– Прошу, – тихо сказал Степаныч, кивнув в сторону проёма. Голос его звучал неуверенно, будто он и сам не хотел туда заходить.

Дмитрий и Денис Романович шагнули первыми. Внутри пахло сыростью, бетоном и железом. Каждый шаг отдавался гулким эхом. Под ногами скрипел мелкий щебень и обрывки досок, кое-где валялись пустые бутылки из-под воды, мешки с цементом и ржавые гвозди.

– Место не для хозяев, – пробормотал Дмитрий, оглядывая полутёмное помещение. – С чего бы ему сюда тащиться?

– Вот и я думаю, – откликнулся Денис, чуть приглушив голос. Он шёл медленно, руки в карманах, но глаза внимательные, цепкие.

С потолка свисали арматурины, на стенах – следы свежих подтёков влаги. Где-то наверху хлопнула доска, и звук заставил Фёдора, идущего следом, вздрогнуть.

– Да чтоб тебя... – выдохнул он. – Здесь даже днём жутко.

– А ночью, наверное, ещё веселее, – хмыкнул Романович, и бросил взгляд на бригадира. – Охрана у тебя что, слепая?

Степаныч нахмурился, оправдываясь:

– Был сторож. Один. Мы же не думали... Утро раннее, кто ж знал, что такое случится. Дмитрий провёл ладонью по холодной стене, оставляя след пыли на пальцах.

«Сторож... один... на таком объекте? Странно. Или специально оставили всё без присмотра?»

– Ладно, не будем гадать, – сказал он вслух. – Нам надо наверх.

– Лестница там, – бригадир указал рукой в глубину.

Коридор уходил в темноту, и лишь сквозь редкие оконные проёмы пробивался свет. Ступени бетонной лестницы казались сырыми и неровными. По ним уже поднимались многие рабочие, но сейчас каждый шаг отдавался каким-то особенным гулом.

– Давай, Димка, вперёд, – сказал Романович, затушив вторую сигарету и наступая на неё каблуком. – Молодым дорога.

Дмитрий только усмехнулся краем губ и пошёл первым. В груди у него нарастало знакомое чувство: дело только начинается, и каждое движение, каждый след сейчас важен.

Они подошли к лестнице – массивной, но недостроенной. Серые бетонные ступени были покрыты пылью и мелкими кусочками щебня. С первого взгляда лестница казалась надёжной, но стоило сделать шаг – и каждый звук шагов гулко отдавался по всему зданию, будто где-то наверху кто-то повторял их ритм.

– Осторожней, – предупредил Степаныч, поднимаясь следом. – Перила пока не поставили, только закладные сделали. Тут ветер гуляет – как поднимешься, голову может сдувать.

Денис Романович усмехнулся, шагая вверх:

– Да уж, не отель, а полоса препятствий. И это у вас, значит, "премиум-класс"?

Бригадир неловко хмыкнул, не зная, как ответить.

– Так это... только черновые работы. Потом всё будет красиво.

Дима шёл впереди, внимательно глядя под ноги. Каждый шаг был осторожным, выверенным – то ли по привычке следователя, то ли из-за лёгкой тревоги, поселившейся внутри. Воздух на каждом пролёте становился холоднее, пахло пылью, цементом и чем-то металлическим – ржавым, острым.

– Слышишь? – тихо сказал он, оборачиваясь к Романовичу. – Где-то капает.

Старший поднял глаза, прислушался. Действительно, где-то наверху, с бетонной балки, с редкими звуками падали капли воды. В гулком пустом здании это звучало зловеще – будто кто-то медленно стучал пальцем по металлу.

– Дождя-то нет, – пробормотал Дмитрий.

– Конденсат, – отмахнулся бригадир. – Здесь после ночи часто сырость выступает.

Но ни Романович, ни Дима не ответили – оба уловили в воздухе другое. Там, где-то выше, пахло не просто пылью или влагой. Был лёгкий, еле различимый запах – металлический, тяжёлый, и слишком знакомый. Запах крови.

– Вот чёрт... – прошептал Денис, поднимая голову. – Он, значит, не просто упал. Его могли скинуть.

Степаныч побледнел.

– Скинуть? С пятого этажа? Да вы что, кто ж...

Дмитрий обернулся к нему.

– Вот это мы и хотим узнать, – тихо сказал он.

Они поднялись ещё выше. Сквозняк усиливался, свистел в пустых проёмах окон. С каждым этажом вид открывался всё шире – город внизу медленно оживал, гудели машины, солнце отражалось в стёклах соседних домов.

– Эх, высота приличная, – пробормотал Денис, глядя вниз. – Даже смотреть страшно.

– Представь теперь, что он отсюда летел, – ответил Дмитрий, не отводя взгляда от верхнего пролёта.

Бригадир сглотнул.

– Да уж... – выдохнул он. – Молюсь, чтоб это всё же несчастье, а не убийство.

– А мы сейчас проверим, – сказал Романович, и его голос прозвучал твёрдо.

Ещё несколько ступеней – и они вышли на пятый этаж, где начиналась самая мрачная часть стройки. Сквозняк бил сильнее, тени ложились длиннее. Что-то там, наверно, уже ждало их.

Они вышли на последний пролёт и остановились у бетонного проёма, откуда открывался вид вниз. Внизу, на утоптанной глинистой площадке, темным пятном выделялось тело. Солнечные лучи только-только пробивались сквозь облака и падали на него под острым углом, отчего тень выглядела особенно вытянутой, нереальной.

Денис Романович прищурился, придерживая край окна рукой, чтобы не осыпалась пыль.

– Если бы сам упал, – тихо произнёс он, не отводя взгляда, – лежал бы по-другому. Ноги не так, и голова не в ту сторону.

Дмитрий, стоявший чуть позади, молчал. Он наблюдал, как ветер шевелит кусок полиэтилена у подножия, будто ткань всё ещё дышала.

– Думаешь, столкнули? – спросил он наконец, неуверенно, будто надеясь услышать обратное.

Денис медленно выдохнул, потер переносицу, потом покачал головой:

– Не думаю. Уверен. Видишь? – он указал пальцем вниз. – След от ботинка рядом, не его. И вон там, у края – борозда на цементе. Словно кто-то его подтолкнул... или держал, пока не отпустил.

Дима нахмурился. Внутри неприятно кольнуло – то ли от ветра, то ли от осознания, что перед ними не просто несчастный случай. Он достал телефон, коротко сказал:

– Сейчас вызову экспертов. Пусть снимут всё, до последней пылинки.

Он набрал номер, прислонился к стене. В трубке потрескивал сигнал, потом послышался знакомый голос дежурного.

– Это Дмитрий, стройка на Восточной. У нас подтверждение – падение, но, похоже, не случайное. Собери группу, криминалистов, фотографа и следователя на осмотр. Да, срочно.

Он закончил разговор, убрал телефон.

– Скоро будут, – коротко сказал он.

Бригадир, стоявший рядом, побледнел. Его руки нервно теребили каску, взгляд метался то вниз, то на следователей.

– Господи... – пробормотал он. – А я думал, парень просто оступился. Он ведь... только вчера говорил, что боится высоты...

Денис перевёл на него тяжёлый взгляд:

– Вот именно. Боится высоты – но оказался на самом краю. Странно, правда?

Бригадир опустил глаза, кивнул, но ничего не сказал. В воздухе повисла густая, гнетущая тишина. Только ветер завывал в пустых оконных проёмах, перекатываясь по бетонным стенам, словно сам знал ответ, но не собирался его выдавать.

Дима снова посмотрел вниз – тело лежало неподвижно, и от этого зрелища внутри всё сжалось.

Он тихо произнёс:

– Кто бы ты ни был... надеюсь, мы узнаем, почему ты оказался там.

Денис коротко глянул на него, слегка кивнул:

– Узнаем. Всегда узнаём.

Они ещё раз бросили взгляд вниз, потом Денис тяжело вздохнул:

– Пойдём. Надо встретить экспертов.

Бетон под ногами гулко откликался шагам, и каждый удар отдавался эхом в пустом каркасе здания. Ветер гулял по этажам, завывая в металлических перекрытиях, словно кто-то тихо стонал где-то в глубине стройки.

Глава 2. Дорога к истине.

Дмитрий шёл следом, осторожно держась за холодные перила. Лестница была пыльной, кое-где липкой от цемента и краски. Под подошвами хрустели камешки и песок.

«Как же люди тут работают каждый день? – мелькнула мысль. – Каждый шаг – как на краю».

– И всё-таки, – сказал он вслух, – что этот Ковалёв тут делал в такую рань? Не похож он был на того, кто сам проверяет стройку.

– Да и одет был не по-рабочему, – буркнул Денис. – Пиджак, туфли... Видел? Не иначе как кто-то его сюда позвал. Или он кого-то застукал.

– Думаешь, встреча пошла не по плану?

– А ты сам как считаешь? – Денис обернулся, спускаясь на пролёт ниже. – Сколько мы таких видели? Сначала всё гладко – контракты, деньги, партнёры. А потом... один падает, другой исчезает, третий вспоминает, что у него срочный отпуск.

Дмитрий чуть усмехнулся, хотя было не до смеха.

– Классика.

– Вот именно, – кивнул Денис. – Только каждый раз – новый сценарий.

На втором этаже их догнал бригадир. Он спускался торопливо, каска подпрыгивала на затылке.

– Товарищи следователи, – выдохнул он, – а нам работать можно? Люди ждут указаний...

Денис остановился, посмотрел на него сверху вниз.

– Пока – никому ничего не трогать. Пусть всё останется как есть. Эксперты скоро будут.

– Понял, – бригадир кивнул, но видно было, что ему не по себе. Он украдкой оглянулся вверх, будто ожидал, что с потолка вот-вот что-то упадёт.

Они продолжили спуск. Внизу уже слышались голоса рабочих – глухие, тревожные. Кто-то ругался шёпотом, кто-то крестился. Один парень стоял, курил, уставившись в землю, не решаясь смотреть на тело.

Когда следователи вышли на площадку, солнце уже поднялось выше. Свет ложился на бетон мягко, но холодно, не придавая тепла.

Денис подошёл ближе к телу, присел на корточки, глядя на неподвижное лицо Ковалева.

– Видишь, – тихо сказал он Дмитрию, – ни страха, ни паники... Просто удивление. Он не успел понять, что его сбросили.

Дмитрий молча кивнул. Где-то вдалеке послышался вой сирены – эксперты уже приближались.

Он глубоко вдохнул, ощущая запах пыли, железа и чего-то тяжёлого, металлического – запах смерти, который ни с чем не спутаешь.

«Вот и началось, – подумал он. – Первая ниточка.»

Сирена постепенно стихла, оставив после себя только гул мотора и скрип тормозов. Пыль поднялась над площадкой лёгким облаком, и в ней на фоне яркого солнца показалась белая «Газель» с надписью «Криминалистическая лаборатория».

Из кабины первым выбрался Павел Андреевич – высокий, плотный мужчина лет пятидесяти с коротко подстриженной сединой и прищуром человека, который видел слишком многое. Он хлопнул дверцей, накинул перчатки, осмотрелся вокруг и вздохнул, как будто уже заранее знал: день лёгким не будет.

– Ну что, господа следователи, – произнёс он, подходя к Денису и Дмитрию, – опять утро начинается не с кофе?

– Доброе утро, Павел Андреевич, – ответил Денис, криво усмехнувшись. – На стройке труп. Сначала думали – несчастный случай. Но, похоже, что нет.

Эксперт кивнул и опустил взгляд на тело.

– Падение, значит... – пробормотал он, медленно обходя вокруг. – Сколько этажей?

– Пять, – ответил Дмитрий. – Но упал явно не сам. Мы посмотрели сверху – следы, борозда на краю.

– Понятно, – буркнул Павел Андреевич и опустился на корточки.

Он достал из чемоданчика небольшой фонарик, хотя солнце уже стояло высоко. Свет отражался от металлических деталей и бежал по бетону. Он внимательно осмотрел руки погибшего, потом лицо.

– Время смерти примерно три, может, половина четвёртого утра, – произнёс он уверенно. – Окоченение уже начало спадать. Видите, мышцы не такие жёсткие.

Денис коротко кивнул:

– Значит, умер до рассвета.

Павел Андреевич перевернул ладонь погибшего и нахмурился.

– Интересно... ногти чистые, кожа ухоженная, а ладони без мозолей. Для хозяина стройки – логично. Но посмотрите сюда, – он указал на запястье, где синяк расходился кольцом, – будто кто-то держал. Сильно.

– Значит, борьба была, – тихо произнёс Дмитрий.

– Похоже на то, – подтвердил эксперт. – Но вот вопрос – где. Если его столкнули сверху, должны быть следы на перекрытии: отпечатки, куски ткани, возможно, даже кровь.

– Уже посмотрели. Есть борозда, след ботинка. Эксперты пусть снимут, – сказал Денис. – Всё, что найдёте – фиксируйте.

Павел Андреевич коротко кивнул и, выпрямившись, отряхнул колени. Его взгляд скользнул по телу, потом – по рабочим, стоявшим неподалёку. Те притихли, кто-то снял каску, кто-то отвёл глаза.

– Всегда одно и то же, – тихо сказал он, больше самому себе. – Люди строят, мечтают, а потом кто-то решает, что чужая жизнь – просто ошибка в смете.

Денис посмотрел на него с лёгкой усталостью:

– Вот потому мы и здесь. Исправлять чужие ошибки.

Павел усмехнулся уголком губ и вернулся к работе. Из машины уже выгружали фотоаппарат, штатив, ящики с оборудованием. Всё происходило размеренно, точно, отработано – как ритуал, который команда знала наизусть.

Дмитрий отошёл чуть в сторону, достал блокнот и сделал пометку:

Время прибытия экспертов – 8:47. Первичный осмотр тела. След от хватания на запястье. Вероятно – насильственное падение.

Он взглянул на серое здание, нависшее над ними.

«Пять этажей. И где-то там, наверху, осталась правда», – подумал он.

Работа кипела тихо и размеренно, будто в замедленном кадре. Эксперты двигались уверенно, слаженно, не произнося лишних слов. Один делал фотографии с разных ракурсов, другой измерял расстояние от тела до стены, третий заполнял бланки, в которых аккуратным почерком появлялись строчки – цифры, время, подписи.

Запах металла и пыли смешался с чем-то тяжёлым – запахом крови, который даже прохладный утренний ветер не мог развеять. Дмитрий стоял чуть в стороне, наблюдая за тем, как криминалисты работают с телом. Внутри было чувство странного напряжения – ни ужаса, ни жалости, а той внутренней сосредоточенности, когда ум цепляется за каждую деталь.

Павел Андреевич подошёл к нему, сняв перчатки.

– Отпечатки взяли со всех поверхностей – и на пятом, и у лестницы. Кровь – тоже.

– У рабочих? – уточнил Денис.

– У всех, кто был на объекте утром, – кивнул эксперт. – Лаборатория проверит, есть ли совпадения с образцами на месте.

Дмитрий кивнул, делая пометки в блокноте.

"Каждый отпечаток – кусок правды, – подумал он. – Но правда часто лежит под слоями пыли, как всё здесь.

Эксперты тем временем аккуратно уложили тело в чёрный мешок. Характерный звук молнии, тихий, протяжный, разрезал воздух, как последняя черта. Рабочие, стоявшие неподалёку, инстинктивно отвели взгляды. Один мужчина перекрестился, другой снял каску и опустил голову.

Катафалк подъехал почти бесшумно. Двое в белых халатах осторожно перенесли носилки внутрь. Дверца захлопнулась с глухим звуком, будто поставила точку.

Павел Андреевич обернулся к следователям:

– Результаты будут готовы – сообщу, как только всё проверим.

Денис кивнул.

– Хорошо. Мы пока поработаем с бумагами и проверим камеры – если они вообще есть.

Павел усмехнулся коротко, без радости:

– Камеры на стройке? Не думаю. Хотя – бывает чудо.

Он махнул рукой команде:

– Всё, ребята, собираемся.

Через пару минут «Газель» уже выезжала с площадки, оставляя за собой полосы пыли. Рабочие начали потихоньку возвращаться к своим делам, но теперь их движения были неуверенными, будто каждый шаг делался с оглядкой.

Дмитрий проводил взглядом уезжающий катафалк.

– Знаешь, – сказал он тихо, – каждый раз, когда тело уезжает, мне кажется, будто вместе с ним уходит кусок ответа.

Денис посмотрел на него внимательнее, закурил, глубоко затянулся и ответил:

– Ответы не уходят. Они просто ждут, когда их найдут.

Они оба замолчали. Ветер снова прошелестел по лесам и арматуре, и стройка зашумела как прежде, будто ничего и не случилось. Только где-то в глубине, на пятом этаже, осталась пустая отметина – след чьих-то рук, чьей-то силы, чьей-то тайны.

– Так, Дима, – сказал Денис Романович, отряхивая пыль с рукава и окидывая площадку внимательным взглядом, – приступим к опросу свидетелей.

Он прищурился на группу рабочих, стоявших неподалёку. Те собрались кучкой у бетонного блока, переминались с ноги на ногу, курили, стараясь не смотреть в сторону, где ещё недавно лежало тело.

Дмитрий понял без слов. Кивнул, достал блокнот и направился к ним. Щёлкнула крышка ручки, звук сухой, короткий – как сигнал начала допроса.

Он подошёл ближе, жестом позвал всех собраться. Рабочие нехотя двинулись, кто-то бросил окурки, кто-то спрятал руки в карманы.

– Рассказывайте, – спокойно, но твёрдо произнёс Дмитрий. – Кто что знает, кто что видел?

Наступила тишина. Несколько секунд – и только где-то наверху скрипнула железная балка.

Первым заговорил бригадир, Степаныч. Голос его звучал глухо, будто в горле застрял комок цемента:

– Да всё, как обычно, было, товарищ следователь... Пришли утром, как всегда. А он... ну... уже лежал.

– Точно, – поддакнул кто-то сзади, – мы только ворота открыли, глядим – народ стоит, уже кто-то кричит...

– И никто ничего не слышал ночью? – уточнил Дмитрий, поднимая бровь.
Рабочие переглянулись. Один пожал плечами, другой отвёл взгляд.
– Да нет вроде, – протянул Фёдор, тот самый новенький. – Я только вчера первый день был. Думал, может, охрана, что видела.
– Охрана... – протянул Денис, подходя ближе. – А где ваш знаменитый сторож?
Бригадир мотнул головой в сторону бытовки, стоящей чуть поодаль.
– Вон там, в каморке. Дежурит по ночам. Только утро – ушёл за чаем, вроде бы. Или...
– он замялся. – Или не уходил. Не знаю.
– Пошли, – сказал Денис, кивая Дмитрию. – Узнаем, может, он что знает.
Рабочие тут же зашептались между собой. Кто-то тихо сказал:
– Сторож-то странный, вечно бурчит сам с собой...
– Тише, – оборвал его бригадир, но взглядом сам проводил следователей.
Они пошли к каморке. Под ногами хрустел гравий, пахло железом, пылью и чем-то кислым – смесью дешёвого кофе и машинного масла.
Бытовка стояла в тени бетонной стены, покосившаяся, с облупленной краской и кривой дверью. На окне висела тряпка вместо занавески.
Денис постучал кулаком в дверь – глухо, настойчиво.
– Открыто! – донёсся изнутри сиплый голос.
Дмитрий и Денис переглянулись. Взгляд старшего говорил без слов: будь настороже.
Дмитрий кивнул, положил блокнот в карман и открыл дверь.
Внутри пахло табаком, пылью и дешёвым спиртом. На столе – недопитая кружка чая, газета, старый телефон, пачка сигарет.
За столом сидел сторож – мужчина лет шестидесяти, с серыми усами, покрасневшими глазами и руками, покрытыми пятнами цемента.
Он приподнял брови, глядя на них поверх очков.
– Что, опять проверка? – пробурчал он. – Или уже хуже?
Денис сделал шаг вперёд, его голос прозвучал спокойно, но холодно:
– Хуже. У вас этой ночью кто-то погиб. Хозяин стройки.
Сторож замер. Рука с кружкой зависла в воздухе, потом дрогнула.
– Ковалёв?.. – прошептал он. – Не может быть...
Дмитрий достал блокнот.
– Может. И теперь расскажите – где вы были этой ночью, с трёх до четырёх утра?
Вот как можно развить и обогатить эту сцену – добавить напряжение, внутренние мысли, живые детали и атмосферу подозрения:
– Как вас зовут? – спросил Дмитрий, открыв блокнот и подняв глаза на мужчину.
– Курочкин Иван Семенович, – ответил сторож, выпрямившись, будто на допросе в армии. Голос у него был хриплый, прокуренный, с еле уловимым дрожанием.
– Иван Семенович, рассказывайте, – мягко, но настойчиво произнёс Денис Романович. – Что вы видели этой ночью?
Сторож нахмурился, потер переносицу.
– Здесь был, – наконец выдохнул он, пожав плечами. – Как всегда. На месте.
– Слышали что-нибудь? Шаги, разговоры, шум? – уточнил Дмитрий.
Тот покачал головой.
– Всё спокойно было, – сказал он и, будто желая доказать, добавил: – Пришёл Ковалёв. Я ему ворота открыл. Сказал, что хочет осмотреть площадку... и чтобы я шёл к себе. Ну я и пошёл. Был здесь, – он обвел глазами старую, еще советских времен мебель, – Слушал радио.
Он достал с полки облезлый радиоприёмник – серый, с треснутым динамиком и антенной, обмотанной изолентой. Нажал кнопку: изнутри послышался хриплый голос диктора, перебиваемый шипением помех.

– Вот... как обычно. Музыка, новости... – он замолчал, будто устав от собственных оправданий.

Денис наблюдал внимательно, не перебивая. Сторож избегал встречаться взглядом, его пальцы нервно теребили ручку кружки.

– Кто-нибудь ещё приходил? – спросил Денис ровно, без интонации.

Курочкин покачал головой.

– Я никого не слышал. Ни шагов, ни машин. Тихо было, как в могиле.

Последние слова повисли в воздухе тяжело. Дмитрий уловил, как сторож сам понял, что сказал, и нервно сглотнул.

– Могила, значит... – протянул Денис тихо. – Интересное сравнение.

Курочкин отвёл взгляд, пробормотал:

– Ну... я просто... это ж стройка. Ночью тут темень, пусто. Сам чёрт заблудится.

Дима сделал пометку в блокноте, аккуратно закрыл его и сказал:

– Хорошо, Иван Семенович. Если что – мы вас вызовем. Пока не покидайте город.

Сторож кивнул, но по лицу было видно: он не столько согласен, сколько хочет, чтобы они поскорее ушли. Когда следователи направились к выходу, он тут же включил радио громче – как будто звук чужих голосов мог отогнать тревогу.

На улице было ярко. Слепящее солнце ударило в глаза, воздух пах пылью и горячим бетоном. Денис остановился у двери, закурил, выдохнул дым и тихо сказал:

– Врет.

– Думаешь? – спросил Дмитрий, пряча блокнот.

– Не думаю – вижу. Голос дрожал, глаза бегали. И эта история с радио... слишком тщательно выстроена. Как будто заранее придумал.

Дима нахмурился.

– Может, боится. Или скрывает кого-то.

– Может, – Денис затушил сигарету о стену. – Но если Ковалёв пришёл ночью – значит, у него была причина. А сторож – единственный, кто его видел живым.

Они вышли из каморки сторожа, минуя шум стройки, где рабочие вполголоса переговаривались, украдкой посматривая на следователей. Пыль висела в воздухе, пахло бетоном и мокрым деревом.

Отошли подальше. Где-то вдалеке грохнула металлическая балка, и звук эхом прокатился по стройке.

Денис посмотрел на верхние этажи и произнёс:

– Тут слишком много теней для одного мертвеца.

У бригадира – коренастого, седовласого Степаныча – лицо было усталое, загорелое, с глубокими морщинами. Он стоял, опершись на лопату, будто та служила ему не инструментом, а костылём для тяжёлых мыслей.

– Степаныч, – обратился к нему Денис Романович, – нам нужен адрес Ковалева.

Бригадир поднял глаза, прищурился.

– Адрес?.. Да знаю, конечно, – пробурчал он, снимая каску и почесав лоб. – Сейчас... – Он достал из кармана потертый блокнот, страницы которого были заляпаны цементом. Перевернул несколько страниц, прищурился. – Вот, записывал...

Он начал диктовать, чуть замедляя на цифрах, будто проверяя себя:

– Улица... Центральная, дом тридцать семь, квартира двадцать два.

Дмитрий записывал аккуратно, быстро.

– Он там живёт с женой, – добавил Степаныч, – сын у них, подросток лет шестнадцати, вроде. Девчонка взрослая уже, в институте, но иногда, как он говорил, ночует у них.

Денис вскинул взгляд:

– Серьёзная семья.

– Ещё бы, – кивнул бригадир, криво усмехнувшись. – У них квартира – будь здоров. Пятикомнатная, представляете? В «Горизонте», в самом дорогом жилом комплексе города. Не каждому такое счастье выпадает.

Он сплюнул в пыль, понизил голос:

– Говорят, ему этот проект – отель – неплохо кормил. Контракты, поставки... только я туда не лезу. Не моё дело.

Денис кивнул, внимательно наблюдая за выражением его лица.

– А с кем он тут, на стройке, конфликтовал? Было что-то?

Бригадир замаялся, глянул на рабочих, потом снова на следователей.

– Ну... бывает, ругались. Нервный он был в последнее время. Всё бегал, звонил кому-то, бумаги какие-то таскал. А пару дней назад приходил, сам не свой... будто предчувствовал чего.

– Что говорил? – спросил Дмитрий.

– Да так, – пожал плечами Степаныч. – Что «всё должно решиться скоро». А потом пошёл наверх... и вот. – Он махнул рукой в сторону бетонной плиты, где ещё недавно лежало тело.

Повисла короткая пауза.

– Ладно, – сказал Денис Романович, – спасибо, Степаныч. Если вспомните что-то – позвоните.

– Конечно, – бригадир кивнул, но взгляд его был тяжёлый, уставший. – Только вы... найдите, кто это сделал. Хороший был мужик. Хоть и с замашками.

Когда они отошли, Дмитрий тихо сказал:

– Богатая семья, нервный отец, несчастный случай, который не похож на случай... Нравится мне всё это всё меньше.

Денис кивнул, достал телефон и коротко произнёс:

– Поехали к Ковалевым. Посмотрим, как они встретят новость.

Попрощавшись со Степанычем и рабочими, Дима и Денис направились к машине. Пыль под ногами хрустела, воздух был густой, тяжёлый, пахнул цементом и горелым кофе из термоса, оставленного на капоте.

Романыч щёлкнул брелком, двери «Шкоды» мягко разблокировались. Следователи сели внутрь – салон встретил запахом бензина, бумаги и дешёвого освежителя с ароматом «морской бриз».

Денис завёл двигатель. Мотор загудел, словно с лёгким недовольством, и они выехали со стройки, оставляя позади бетонные блоки и жёлтые каски, мелькающие в пыли.

Некоторое время оба молчали. На обочине проплывали деревья, редкие прохожие, вывески магазинов. Дмитрий смотрел в окно, но мысли были далеко. Перед глазами вставало тело Ковалева – кровь на сером бетоне, неподвижное лицо, будто застывшее в немом вопросе.

– Надо съездить, расспросить родных убитого, – наконец произнёс Денис, нарушив тишину. Голос его был низким, спокойным, но в нём чувствовалась привычная настороженность. – Может, что скажут. Иногда семья знает больше, чем кажется.

– Да, – кивнул Дмитрий, – особенно жена. Она чувствует такие вещи раньше всех.

Он перелистнул блокнот, проверяя записи. – Ковалев... успешный, уважаемый, семья, деньги. Вроде всё есть. А потом – вот так. С пятого этажа вниз.

– Слишком уж «вроде», – буркнул Денис. – Иногда именно в таких семьях и гниёт всё изнутри. Деньги – не гарантия покоя.

Он включил поворотник, обгоняя медленный автобус.

Дмитрий молчал, глядя на серое небо, где солнце пробивалось сквозь пыльный смог.

«Каждое утро кто-то умирает, – подумал он. – Но есть смерти, которые оставляют слишком много следов, чтобы быть случайными».

– Ты думаешь, – спросил он, не отрывая взгляда от дороги, – это убийство?

– Думаю, – Денис сделал затяжку сигаретой, не глядя на напарника, – что «несчастные случаи» с такими людьми не случаются просто так.

Машина свернула в сторону центра. Дорога становилась чище, асфальт ровнее, дома выше. Вскоре показался жилой комплекс – «Горизонт». Много стекла, хрома, аккуратные газоны, охрана у ворот. Всё выглядело дорого и холодно, как будто эмоции здесь запрещены.

Денис заглушил двигатель и посмотрел на напарника:

– Ну что, Дима, готов? Сейчас будет самое тяжёлое – говорить с теми, у кого только что рухнула жизнь.

Дмитрий глубоко вздохнул, спрятал блокнот в карман.

– Готов, – тихо сказал он. – Хотя к такому, кажется, не готов никогда.

Они вышли из машины и направились к дому. Ветер шевельнул листья на клумбах, а где-то вдалеке закричала чайка – странно неуместный звук в центре города.

Машина плавно выехала со двора стройки и вскоре влилась в поток городского движения. Солнце уже поднялось выше, отражаясь в стеклах домов и заливая улицы тёплым, немного слепящим светом. Асфальт блестел после недавнего дождя, и колёса мягко шуршали по мокрым полосам.

В салоне стояла тишина – та особенная, когда слова вроде бы не нужны, но воздух всё равно натянут как струна.

Денис вёл уверенно, одной рукой держа руль, другой – прикурив сигарету. Серый дым медленно стелился к приоткрытому окну и вырывался наружу.

– Город будто живёт сам по себе, – произнёс он после паузы. – Кому-то сейчас кофе варят, кто-то в школу детей ведёт. А у этих – горе. И никто не знает.

Дмитрий кивнул, не отрывая взгляда от дороги. Он держал блокнот на коленях, то и дело поглядывал на адрес, записанный рукой Степаныча.

– Знаешь, Денис Романович... каждый раз, когда мы едем к родным погибшего, я ловлю себя на одной мысли: вот бы они не смотрели в глаза.

– Почему? – спросил тот, слегка приподняв бровь.

– Потому что в этот момент ты им сообщаем, что всё. Что человек, с которым они только вчера ужинали, уже не вернётся. И в их глазах будто что-то гаснет.

Денис молча кивнул. Некоторое время они ехали в тишине, слушая, как двигатель гудит ровно и спокойно – словно не понимает, куда и зачем он их везёт.

Дмитрий смотрел на пролетающие за окном улицы: серые пятиэтажки сменялись новыми жилыми кварталами, витринами кофеен, рекламными щитами. Город жил обычной жизнью, но для кого-то этот день стал последним.

– Говорят, Ковалев жил в «Горизонте», – заговорил Денис. – Комплекс, где за квадратный метр можно купить машину.

– Видел этот дом, – ответил Дмитрий. – Огромные стеклянные окна, мраморный холл, охрана, фонтаны. Всё по высшему разряду.

– Деньги у него водились. Такие всегда притягивают неприятности. Или завистников.

– Или оба варианта, – заметил Дмитрий.

Они свернули на главную улицу. Поток машин редел, дорога становилась ровнее, а дома – всё выше и дороже.

На горизонте показались башни жилого комплекса – зеркальные фасады сверкали на солнце, будто специально, чтобы подчеркнуть, кто здесь живёт.

Денис усмехнулся:

– Красиво живут. Только счастья в стеклянных стенах не купишь.

Машина замедлила ход, сворачивая к воротам. У шлагбаума стоял охранник – вежливый, но настороженный. Дмитрий показал удостоверение, и через минуту они уже ехали по идеально чистой аллее, вдоль которой стояли аккуратно подстриженные кусты и дорогие машины.

Денис заглушил двигатель, опустил руку на рычаг коробки передач и тихо сказал:

– Ну что, Дима. Сейчас начнётся самое тяжёлое.

– Знаю, – ответил Дмитрий, выходя из машины. Он на мгновение прикрыл глаза, вдохнул прохладный воздух. – Но кто-то должен это делать.

Они закрыли двери, и звук хлопков эхом прокатился между глянцевыми стенами домов.

Наверху, в окне одного из пентхаусов, мелькнула тень – кто-то выглянул, не зная ещё, что через минуту их мир рухнет.

Глава 3. Женщина, которая ждала.

Дима вышел из машины и на секунду замер, вглядываясь в двор жилого комплекса. Воздух здесь был другим – не пыльный, как на стройке, а чистый, с лёгким запахом ухоженных газонов и дорогих духов, оставшихся после утренних прогулок жильцов.

Он обвёл глазами территорию. Всё выглядело идеально: ровные дорожки, подстриженные кусты, клумбы, где даже цветы казались расставленными по линейке. По краям двора стояли новые корпуса – высокие, с фасадами из стекла и металла, которые ослепительно отражали солнечный свет.

Дмитрий поднял взгляд вверх. Здания будто нависали над ним, уходя в небо, и в этих стеклянных стенах отражался весь город – маленький, далёкий, шумный. «Вот он – мир, где живут такие, как Ковалёв, – подумал он. – Высоко, красиво... и далеко от земли».

– Богато живут, – произнёс рядом Денис Романович, глядя на дома. – Пять этажей вниз на стройке, двадцать вверх здесь. Ирония, да?

Дима усмехнулся, но улыбка быстро погасла.

– Здесь всё будто сделано, чтобы никто не чувствовал себя виноватым. Даже солнце светит мягче.

Мимо них прошла женщина в дорогом пальто, держа за руку маленькую девочку. Девочка с любопытством посмотрела на следователей, но мать тут же потянула её за руку – мол, не смотри, это не наше дело.

– Смотри, – тихо сказал Денис, кивая на вывеску у входа. – «Жилой комплекс „Горизонт“». Красиво звучит. Только вот горизонт у всех разный. У кого-то – вид на море, у кого-то – на бетон.

Дмитрий посмотрел на массивное стеклянное здание перед собой, где жил Ковалёв. На ресепшн за прозрачной стойкой стояла девушка в униформе – идеально выглаженной, с улыбкой, натянутой, как у манекена.

– Пошли, – сказал он, пряча блокнот в карман. – Узнаем, как живут те, кого уже нет.

Они направились к входу. Под ногами тихо скрипела плитка, где не было ни пятен грязи, ни мусора – будто весь этот мир старательно прятал любые следы жизни, не говоря уже о смерти.

Когда двери открылись с лёгким шипением, Дима поймал своё отражение в зеркальной поверхности и на мгновение задержал взгляд.

«Вот он я, – подумал он, – человек, который несёт чужое горе в дом, где привыкли говорить только о выгоде».

Он глубоко вдохнул и шагнул внутрь.

Они вошли в нужный подъезд – прохладный, тихий, с мягким запахом полироли и свежего кофе, будто даже воздух здесь фильтровали. Под ногами блестела плитка, отражая свет от настенных ламп. Всё выглядело идеально: ни бумажки, ни следа пыли – словно кто-то каждый час стирал малейшие следы жизни.

За небольшим окошком в стене, в крохотной комнатке, сидела пожилая консьержка. Сухонькая, с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок, в вязаном жилете и с очками на цепочке. Она выглядела так, будто давно срослась со своим креслом, как старый корень с землёй. На столике перед ней стояла кружка с остывшим чаем и потрёпанная газета.

– К кому? – спросила она без эмоций, поднимая глаза поверх очков.

Дима и Денис синхронно достали удостоверения.

– Следственный комитет. К Ковалевым.

Глаза женщины чуть прищурились. Она подняла голову и, оглянувшись на дверь за собой, произнесла вполголоса:

– Что, попался, да?

Денис Романович нахмурился.

– Вы про что?

Она обвела руками пространство – стены, мрамор, зеркала, подсвеченные потолки.

– Да про всех таких, милоч. У нас тут как – кто не ворует, тот не живёт. Всё на показ, всё чужими руками. А потом – бах! – и конец. Так им и надо.

Она говорила тихо, но с каким-то странным удовлетворением. Словно давно ждала случая выговориться.

Дмитрий и Денис переглянулись. Женщина продолжила ещё тише, почти шёпотом – им пришлось наклониться ближе к окну, чтобы разобрать слова.

– Я ведь всех тут вижу, – сказала она, – кто куда ходит, с кем приезжают. И ваш этот, Ковалёв... он тоже был не святой. Ночами бывало – приезжал кто-то, машины дорогие, стекла тёмные. Разговоры в коридоре, шёпотом. Только мне-то что – я своё отжила.

Дмитрий выпрямился, достал блокнот.

– Вы можете вспомнить, когда он последний раз приходил домой?

– Вчера, ближе к вечеру. С сумкой, нервный какой-то был. Даже не поздоровался. – Она замялась. – А утром жена выбегала, вся белая как стена. Только потом вроде вернулась.

– Спасибо, – сказал Денис, убирая удостоверение. – Мы по другому вопросу, но ваши слова запомним.

Консьержка кивнула, сжала губы.

– Ясно. Ну, проходите. Только... – она понизила голос до едва слышного, – осторожнее там. В таких квартирах стены всё слышат.

Романыч коротко усмехнулся, но взгляд его остался серьёзным.

– Мы привыкли.

Они прошли мимо окошка. Дима краем глаза заметил, как консьержка крестится и снова садится на своё место, будто боялась, что её слова услышал кто-то, кто не должен.

Подшли к лифту. Стальные двери поблёскивали под светом ламп, отражая их лица – усталые, сосредоточенные. Денис нажал кнопку вызова, и та коротко пискнула, осветившись красным кругом.

На мгновение повисла тишина, нарушаемая лишь слабым гулом вентиляции и далёким звоном детских голосов где-то во дворе.

– Слышишь? – Дима вскинул голову. – Едет.

Из глубины шахты донёсся низкий гул, будто кто-то далеко внизу запустил старый двигатель. Стены чуть дрогнули, воздух стал гуще, и звук стал медленно приближаться.

– Никогда не любил ждать лифт, – пробурчал Денис, сложив руки на груди. – В такие моменты будто мысли громче становятся.

– Особенно если знаешь, куда едешь, – ответил Дима и на секунду прикрыл глаза. Перед внутренним взором вспыхнула картина: дверь квартиры, заплаканная женщина, тишина. Всё это он видел сотни раз – и каждый раз будто впервые.

– Ты замечал, – продолжил Денис, глядя на свои ботинки, – в таких домах даже воздух другой. Стерильный какой-то. Ни запаха, ни жизни. Всё дорого, но пусто.

– Деньги убивают запахи, – усмехнулся Дима. – И совесть заодно.

Лифт приближался – теперь уже отчётливо было слышно щелканье тросов и лёгкий скрип металла.

– Вот и едет, – сказал Романыч, выпрямляясь. – Давай без философии, у нас работа.

– Работа, – тихо повторил Дима, будто пробуя слово на вкус. – А у них – горе.

Они вошли в кабину, двери медленно сомкнулись, и лифт тронулся вверх – плавно, без рывков.

Двери раскрылись с мягким звоном. Внутри – чисто, зеркально, пахло чем-то резким, дорогим – будто только что протёрли антисептиком. В углу тихо мигала камера.

– Даже здесь наблюдают, – заметил Дмитрий.

– Добро пожаловать в мир тех, кто ничего не скрывает, кроме самого главного, – усмехнулся Денис.

Дима глядел на своё отражение: глаза потемневшие, плечи напряжены. Где-то внутри уже собиралась привычная тяжесть – та, что всегда приходит перед встречей с чьей-то бедой.

Он подумал: Каждый раз одно и то же. Но почему-то не становится легче.

Когда лифт закрыл за ними двери, Денис тихо сказал:

– Вот тебе и бабушка у подъезда. Похоже, знает больше, чем говорит.

– Или говорит ровно столько, сколько хочет, – ответил Дмитрий. – Таких я уже встречал.

Лифт начал подниматься, тихо гудя, а за зеркальной стеной кабины отражались их сосредоточенные лица – два человека, идущие туда, где сейчас живёт горе.

Денис нажал кнопку нужного этажа. Мягкий щелчок и холодный блеск подсветки под пальцем. Лифт послушно дрогнул и плавно пошёл вверх, издавая тихое гудение, будто переваривая их мысли.

Дима стоял, упершись плечом в стену, и наблюдал, как по табло медленно сменяются цифры. 3... 4... 5...

Металлический запах внутри лифта смешивался с ароматом дешёвого освежителя и чем-то резиновым – от тросов и кабины.

– Всегда чувствую себя не в своей тарелке в таких местах, – пробормотал он, не отводя взгляда от дверей.

– В богатых домах? – уточнил Денис, не глядя на него.

– Угу. Здесь даже воздух будто через фильтр пропускают. Ни пылинки, ни звука. Всё идеально, даже слишком.

Денис усмехнулся, сложил руки на груди.

– Зато грехов – через край. Чем чище стены, тем грязнее люди за ними.

Дима кивнул, чуть криво улыбнувшись.

– Говоришь как старый проповедник.

– А ты как юный циник.

Повисла короткая тишина. Где-то в глубине шахты мягко звякнул трос, лифт прошёл ещё пару этажей.

Они оба молчали – каждый думал о своём.

Дмитрий вспоминал тело Ковалева, холодный бетон, странный угол падения. Что-то не сходилось.

«Если его столкнули... кто и зачем?»

Денис, глядя в отражение в зеркальной стенке, думал о предстоящем разговоре. Он не любил эти моменты – когда нужно смотреть в глаза тем, кто только что потерял близкого. В них всегда одно и то же: боль, растерянность, иногда – мольба.

На табло вспыхнула цифра “12”.

– Почти приехали, – сказал он негромко.

Лифт замедлил ход, воздух в кабине чуть дрогнул.

– Как думаешь, жена в курсе? – спросил Дима.

– Думаю, уже да. Такие новости быстро разносятся.

– Тогда будь готов. Она может не сразу вспомнить, не всё понять. Главное – не дави.

– Я знаю, – кивнул Дима.

Зазвенел сигнал, лифт звякнул – нужный этаж, двери лифта начали расходиться.

– Готов? – спросил Денис.

– Как всегда, – ответил Дима и сделал шаг к двери, чувствуя, как внутри всё собирается в холодный узел.

Перед ними открылся длинный, тихий коридор с мягким светом и ковровым покрытием. Откуда-то доносился слабый аромат кофе и свежей выпечки. Всё выглядело мирно, почти уютно – но оба знали: за одной из этих дверей сейчас разбивается чья-то жизнь.

– Пошли, – тихо сказал Денис.

– Пошли, – эхом ответил Дима.

Они вышли из лифта. Двери сомкнулись за их спинами с сухим звоном.

Квартир в подъезде было немного – всего три, каждая с массивной дверью и табличкой, где золотыми буквами выбито имя хозяев. Стены отделаны мраморной плиткой, воздух пахнет дорогим освежителем и чем-то холодным, безжизненным – словно само пространство привыкло к тишине и чужим шагам.

Денис и Дмитрий поднялись по ковровой дорожке, которая глушила звук обуви. Вверху мерцала хрустальная люстра, переливаясь отражениями на лакированных панелях. В этом подъезде всё выглядело так, будто его чистили не для жильцов, а для статуса.

– Тихо тут, – пробормотал Дмитрий, осматриваясь. – Даже эхо будто боится.

– Богатые тишину любят, – усмехнулся Денис, поправляя воротник пальто. – В ней легче не слышать совесть.

Они подошли к нужной двери – тяжёлой, тёмно-вишнёвой, с бронзовой ручкой и камерой наблюдения над глазком. Дмитрий провёл ладонью по холодному металлу и тихо сказал:

– Готов?

– Никогда не готов к таким визитам, – ответил Денис. Он нажал кнопку звонка.

Звонок прозвучал глухо, как будто из глубины дома. За дверью что-то шевельнулось – еле слышные шаги, лёгкий скрип паркета. Оба невольно замерли.

«Сейчас. Ещё мгновение – и дверь откроется. А за ней начнётся самое трудное», – подумал Дмитрий, чувствуя, как внутри всё сжалось от предвкушения чужого горя.

Денис, стоя рядом, молча наблюдал за глазком, застыв в ожидании. Свет от люстры скользил по его лицу, делая черты резче, взгляд – холоднее.

Щёлкнул замок.

Им открыла женщина средних лет. На ее лице не было ни одной слезинки.

Ни смазанной туши, ни дрожащих губ – будто смерть мужа для неё была не ударом, а пунктом в распорядке дня. Идеально уложенные волосы, безупречный макияж, строгий тёмно-синий костюм, сидящий без единой складки. Даже жемчужные серьги на её ушах поблёскивали спокойно, как будто всё происходящее не имело к ней отношения.

Денис бросил быстрый взгляд на Дмитрия.

Оба, не сговариваясь, подумали одно и то же: так вдовы обычно не выглядят.

– Ковалева Наталья Олеговна? – голос Дениса прозвучал мягко, но с привычной следовательской строгостью.

– Да, – ответила она, стоя у порога.

Её голос был спокойный, низкий, без дрожи. Лицо – безупречное, холодное как фарфор. Ни один мускул не выдавал усталости или слёз. Лишь в глубине взгляда – усталость, похожая не на горе, а на раздражение.

– Проходите, – произнесла она ровным голосом. Без дрожи, без эмоций. Голос, в котором не было ни боли, ни тепла. Только усталость и холодная вежливость.

Они прошли в гостиную. Просторная, залитая мягким светом комната выглядела, как картинка из журнала: дорогая мебель, белоснежные шторы, аромат кофе и тонкий шлейф дорогих духов. На журнальном столике – свежие розы, ни один лепесток не опал. Всё вокруг будто кричало о контроле и порядке.

– Примите соболезнования, – сказал Дмитрий тихо.

Она кивнула, не глядя.

– Спасибо.

Он отметил, как сжались её пальцы – идеально ухоженные, с безупречным маникюром, – но ни одна мышца на лице не дрогнула.

«Не плачет. Даже не пытается. Или держится из гордости... или ей всё равно», – подумал он, наблюдая, как она откидывается на спинку кресла, скрестив ноги.

Денис сел напротив, положив блокнот на колени.

– Вам сообщили утром?

– Да, – коротко ответила она. – Полиция.

– Вы знали, что муж был на стройке ночью?

Она подняла взгляд – твёрдый, холодный, словно лезвие.

– Нет. Сергей не должен был там быть. Мы... – она чуть замялась, – мы не общались последние дни.

В голосе мелькнула едва заметная пауза – ни дрожь, ни грусть, а скорее усталость от необходимости что-то объяснять.

Денис кивнул, делая пометку.

– Значит, вы не знаете, зачем он туда пошёл?

– Если бы знала, я бы его остановила, – произнесла она с лёгкой горечью. Потом, как бы опомнившись, добавила: – Хотя, возможно, не смогла бы. Сергей был... упрямым человеком.

В комнате повисла тишина. Часы на стене негромко отсчитывали секунды.

Дмитрий отвёл взгляд на фотографию на каминной полке: семейный портрет – муж, жена, двое детей. Все улыбаются. Счастливые, уверенные.

Он посмотрел на женщину снова – и понял, что эта улыбка, запечатлённая на фото, умерла задолго до сегодняшнего дня.

– Вам тяжело, – тихо сказал он, – можете не отвечать, если...

– Нет, – перебила она резко, глядя прямо в глаза. – Отвечу. Я хочу, чтобы вы нашли того, кто это сделал. – На мгновение в её взгляде мелькнул огонь. – Если это не несчастный случай.

– Мы выясним, – спокойно произнёс Денис.

Она отвела взгляд, сжала руки, будто впервые позволила себе хоть каплю слабости.

– Я знала, что всё плохо, – тихо добавила она. – Он был в последнее время другой... напряжённый, раздражённый. Но я не думала, что всё закончится вот так.

Дмитрий кивнул, и в голове мелькнула мысль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.